

М. В. Оськин

АВГУСТ 1914 ГОДА:
ТРАГЕДИЯ 72-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

70

На примере конкретного воинского подразделения рассматривается ход и результат действий 1-й русской армии на втором этапе Восточно-Прусской наступательной операции августа 1914 г. Целью является характеристика боевой деятельности второочередной пехотной дивизии в сражениях в Восточной Пруссии и ее расформирования по итогам операции. Неудача русского наступления в пределы Германии в начале Первой мировой войны стала причиной ликвидации двух дивизионных соединений, не выдержавших тяжести поражения. Несправедливость такого решения, особенно с учетом того обстоятельства, что в последующем в русской армии формировались десятки новых дивизий, неоспорима.

The article examines the course and outcome of the operations of the 1st Russian Army during the second stage of the East Prussian offensive in August 1914. The author used the example of an infantry division to analyse its combat operations in the battles in East Prussia and its disbandment following the operation. The failure of the Russian invasion to Germany at the beginning of the First World War led to the disbandment of two divisions that could not withstand the severity of the defeat. The injustice of this decision, especially given the fact that dozens of new divisions were formed in the Russian army, is undeniable.

Ключевые слова: Восточно-Прусская наступательная операция, генерал Ренненкампф, 1-я армия, река Ангерап, расформирование.

Keywords: East Prussian offensive, General Rennenkampf, 1st army, river Angerapp, disbanding.

Героические и одновременно трагические события начала Первой мировой войны на Восточном фронте в августе 1914 г. известны прежде всего по гибели в окружении под Танненбергом центральных корпусов (пять пехотных дивизий) 2-й русской армии А.В. Самсонова. В числе погибших оказался и сам командарм-2, в плен попали несколько десятков тысяч русских солдат и офицеров, а из «котла» вышли лишь разрозненные группы русских военнослужащих.

Значительно меньшую известность имеют события, связанные с поражением 1-й русской армии П.К. Ренненкампфа в конце августа — начале сентября, когда германская 8-я армия, оборонявшая Восточную Пруссию, перегруппировалась и приступила к вытеснению 1-й русской армии со своей территории. И совсем малоизвестными являются обстоятельства, приведшие к расформированию двух русских пехотных дивизий (ПД) — 54-й и 72-й — по результатам этого сражения.

Полки и дивизии погибших корпусов 2-й армии в скором времени были восстановлены и вновь приняли участие в боях Первой мировой войны. То есть в число безвозвратных потерь в Восточной Пруссии вошли люди, однако сами подразделения продолжили свой боевой путь. В то же время расформированные для пополнения других соединений восемь полков 1-й армии окончательно завершили свою службу. Эта трагедия — первые вычеркнутые из жизни полки русской императорской армии в годы Первой мировой войны — остается малоизвестной страницей еще и потому, что в связи с чрезвычайно кратким сроком существования этих полков (фактически немногим более месяца) и еще более коротким боевым путем (две недели боев) от них остался минимум документов. Хотелось бы вернуть память об этих недолго существовавших подразделениях на примере 72-й пехотной дивизии, сформированной в черноземных губерниях Центральной России.

Указанная дивизия была второочередной, сформированной с началом мобилизации. Второочередные дивизии должны были формироваться только в военное время на базе кадровых дивизий (полк из полка). В кадровом полку в мирное время служили те офицеры, унтер-офицеры и солдаты, которые в военное время приступали к созданию второочередного полка. Второочередные дивизии должны были усиливать мощь перволинейных дивизий; «подпирать» наступление, служа ближайшим непосредственным резервом и используя прежде всего на второстепенных участках фронта.

Второочередные дивизии первоначально не получили корпусной организации, что оправдывалось нехваткой войскового хозяйства для новых корпусных единиц — от гаубичных батарей до обозов 3-й очереди и запасов сухарей. Начальник штаба второочередной 57-й пехотной дивизии В. В. Буняковский вспоминал: «Пришлось выступить в поход без комплекта патронных, пулеметных и санитарных двуколок, без походных кухонь (вместо них — котлы для варки пищи), с пулеметами на обывательских телегах, без парковой артиллерийской бригады» [1, л. 15]. Для этих дивизий по полному штату не хватало ни 3-дециметровых полевых орудий, ни пулеметов.

Полковой обоз военного времени включал 24 патронных, 16 пулеметных, 28 хозяйственных, 8 медицинских, 2 телефонных повозки и 19 походных кухонь (по 4 на батальон, 1 на нестроевую роту и 2 на специальные команды) с 316 лошадьми [11, с. 195]. Именно такой обоз имели перволинейные пехотные полки. В свою очередь, приказ по 72-й ПД от 4 августа 1914 г. показывает, что на 72-ю дивизию было отпущено 16 полевых кухонь. Начдив-72 отдал 4 штуки 285-му полку, 8—286-му, 1—287-му и 3—288-му [3, л. 6]. Недостаток кухонь возмещался котлами, которые «допускали приготовление пищи лишь по приходе на ночлег, почему усталые, голодные люди часто принуждены были долгие часы ждать раздачи пищи и возможности лечь спать. Это подрывало силы людей и самым непосредственным образом отражалось на боеспособности частей» [1, л. 16].

Полки второочередной 72-й ПД формировались на базе кадровой 35-й ПД, вскоре после объявления мобилизации убывшей на фронт. Соответственно, в оставленных кадровиками казармах стали создаваться второочередные подразделения. Дивизия формировалась в Рязанской губернии: 285-й Мценский (полковник Сильвестр Борисович Дьяконов) и 286-й Кирсановский (полковник Алексей Александрович Ненарокомов) — в самой Рязани, 287-й Тарусский (полковник Александр Михайлович Архангельский) — в Егорьевске, 288-й Куликовский полк (полковник Константин Николаевич Ратьков) — в Скопине.

Штаб дивизии, возглавляемый полковником Александром Алексеевичем Балтийским, также располагался в Рязани. Командир дивизии — генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Орлов — был опытным и бывалым военным. Долгое время он служил в сибирских частях и потому прошел не только русско-японскую войну 1904—1905 гг., но и был участником похода в Китай в 1900—1901 гг. Перед Первой мировой войной Орлов командовал 127-м пехотным Путивльским полком, а затем поочередно обеими бригадами 35-й ПД. Еще до войны эти офицеры 35-й дивизии знали свои назначения на формирование второочередной дивизии с началом мобилизации.

Второочередные дивизии выдвигались на фронт соответственно своему региональному расположению (первыми — из более западных губерний, затем — со смещением на восток), чтобы не нарушить порядок работы железных дорог. Поэтому личный состав 72-й ПД в начале августа еще проходил боевую подготовку. Приказ генерала Орлова от 4 августа (в день первого столкновения с немцами в Восточной Пруссии при Сталлупеннене) предписывал «винтовки, оказавшиеся лишними, в запасные батальоны не сдавать, а вооружить ими обозных, нестроевых и денщиков, и при первой возможности пройти с ними стрельбу и постройку палаток». Получается, что в начале войны избыток винтовок шел на вооружение тех людей, участие в бою которых вообще-то не предполагалось. В конце 1914 г. винтовок уже будет не хватать для подготовки пополнений, а в 1915 г. — и для фронтовиков. Так расточительность первых месяцев войны имела следствием нехватку оружия и, следовательно, чрезмерные потери в сражениях.

Понимая, что солдатский кадр дивизии сравнительно неопытен, Орлов указал: «Теперь же подготовить на каждый пулемет по 2 и даже по 3 хороших наводчика». Помимо того начдив-72 обратил внимание командиров полков «на подготовку разведчиков (дозорных), но выбор сделать теперь же с хорошим зрением, слухом, крепкими ногами и расторопных нижних чинов» [3, л. 6]. Интересно, что 5 августа Орлов распорядился «частям и учреждениям дивизии имеющихся серых лошадей перекрасить в защитный цвет. Безвредную краску для этой цели можно приобрести в Москве» [3, л. 7об.].

Шестого августа в Рязани был отслужен благодарственный молебен, 8 августа состоялась церемония проводов и торжественный обед в офицерском собрании [14, с. 812]. На следующий день головная часть дивизии выступила в поход. Когда 11 августа прибыл командир 1-й

бригады генерал-майор Петр Николаевич Туров (во второочередных дивизиях из-за нехватки высшего командного состава был только один бригадный командир: в бою начдив командовал одной бригадой, а бригадный — второй), дивизия целиком выступила на фронт, в состав 1-й армии Северо-Западного фронта, которая уже с 4 августа вела боевые действия на территории Восточной Пруссии.

Пока кадровые корпуса 1-й армии после победы над немцами при Гумбиннене 7 августа двигались вперед, с одной стороны, оттесняя немцев вглубь Восточной Пруссии, а с другой — придвигаясь к Кёнигсбергу, второочередные дивизии должны были находиться на тыловых оборонительных линиях. Это закрепляло за русскими занятую территорию, так как маневренная борьба таила в себе немало сюрпризов, и командарм-1 П.К. Ренненкампф желал избежать их неприятных последствий.

Ошибки русского командования позволили германской 8-й армии во главе с П. фон Гинденбургом и Э. Людендорфом в боях 13–18 августа окружить центр 2-й русской армии под Танненбергом и уничтожить его, одновременно нанеся поражение фланговым корпусам 2-й армии. Остатки 2-й армии в ближайшее время, впредь до своего пополнения резервами, не могли продолжать наступательные действия, и потому в последней декаде августа немцы сосредоточивали максимум своей восточно-прусской группировки для удара по 1-й русской армии.

По итогам сражения при Танненберге к 22 августа русские фактически лишились половины сил первоначальной группировки фронта (остатки 2-й армии еще следовало привести в порядок), а противник, напротив, получил подкрепления из Франции (два корпуса и кавалерийскую дивизию). Перевес сил на Северо-Западном фронте отчетливо склонился на сторону противника. В то же время стратегическая цель операции была достигнута: немцы перебросили на Восток часть своих сил из-под Парижа; условия франко-русской конвенции были исполнены русской стороной, и «План Шлиффена» окончательно рухнул. Тем не менее 1-я русская армия оказалась перед угрозой разгрома перед превосходящими (как в живой силе, так и особенно в технике) силами противника.

После поражения 2-й армии командарм-1 П.К. Ренненкампф остановил наступление своего центра и сразу же притянул к своим главным силам всю кавалерию, чтобы немцы не смогли ее отрезать. Чтобы усилить свою армию хотя бы пехотой, раз уж в артиллерии немцы существенно превосходили русских, Ренненкампф влил в свои войска прибывшие подкрепления: предназначавшиеся в 1-ю армию по плану стратегического развертывания 54, 56, 57, 72-ю второочередные дивизии, а также 76-ю ПД из резерва фронта.

Второочередные дивизии в связи с относительной слабостью в артиллерийском отношении включались в состав корпусов. Например, 20-й армейский корпус (АК) получил 54-ю дивизию, а 2-й АК — 72-ю; 57-я дивизия вошла в состав 4-го АК, а 56-я дивизия закрывала разрыв между 1-й армией и 22-м корпусом 10-й армии.

Двадцать второго августа немцы начали наступление против 1-й русской армии по обеим сторонам Мазурских озер: а через три дня вперед двинулись главные силы германской 8-й армии. Бои завязались одновременно на всей линии Среднего Прегеля от Инстербурга до Ангерпапа: первым под ударами германцев стал отходить 2-й АК, которым временно командовал начдив-43 В. А. Слюсаренко, вынесший на себе основную тяжесть двухдневного сражения с превосходящими силами противника у Гольдапа и Лыка. Потери в этих боях были очень велики (после отхода 1-й армии за Неман в частях 2-го АК из 42 тыс. чел. оставалось лишь 17 тыс.). Большая роль в том, что корпус устоял и сдержал натиск врага, принадлежала самому комкору [13, с. 51 – 58].

Немецким успехам способствовали и слухи, распространившиеся в русских войсках после поражения под Танненбергом. «Солдатский вестник» нагнетал панические настроения, и русские боялись неожиданных прорывов неприятеля в свой тыл, что привело бы к окружению. Уже вечером 17 августа, то есть до начала боев, в подразделениях 285-го пехотного Мценского полка из состава 72-й дивизии вспыхнула паника со стрельбой, в результате чего в полку были и раненые, и даже убитые [15, с. 193 – 194].

Ренненкампф пытался организовать оборону, но отступление стало неизбежным после того, как враг 28-го числа ворвался в Гольдап, своим фланговым маневром выйдя на южное левое крыло 1-й русской армии. В связи с этим дальнейший отход стал постепенно принимать характер беспорядочного отката на восток, лишь бы не оказаться в окружении.

По мере поражения кадровых корпусов в бой были брошены второочередные дивизии 1-й армии, которые сделали все возможное в той обстановке, когда один за другим тяжелые потери несли перволинейные корпуса с максимумом кадра, спаянные в единое целое задолго перед войной. Второочередные дивизии еще не были втянуты в боевую работу, а потому порой проявляли слабость и разброд в своих рядах. Справедливую оценку им дает «Памятная записка» комкора-19 В. Н. Горбатовского летом 1915 г., посвященная неверному применению второочередных дивизий и ополченских бригад: «Благодаря несоответствию боеспособности этих единиц поставленным им задачам, некоторые из второочередных дивизий стяжали себе в армиях нелестные названия “беговых обществ”, а некоторые ополченские отряды — стали легкой добычей противника» [5, л. 149].

Материалы о боях, в которых участвовали русские полки, в большей своей части откладывались в «Журнале военных действий», которые велись в каждом полку. Именно здесь записывались те события, что относились чисто к боевым будням полка. Где-то их вели более тщательно, где-то, напротив, менее, однако в августе 1914 г., когда события на фронте развивались стремительно, офицер, ведущий «Журнал», далеко не всегда успевал или имел возможность записывать то, что творилось в его полку во время боя. Более того, «Журнала военных действий», к примеру 288-го пехотного Куликовского полка, и вовсе не сохранилось, равно как и каких-либо иных документов куликовцев. В этом отношении скудную информацию предоставляют всего три небольших дела штаба 72-й дивизии.

Двадцать шестого августа П.К. фон Ренненкампф приказал 72-й ПД с рассветом 27 августа выступить в распоряжение 2-го АК, который принял на себя главный удар противника на левом фланге обороны 1-й армии. «Приказываю крайне упорно держаться», — телеграфировал Ренненкампф Слюсаренке [9, с. 375]. Дивизия перешла из Даркемена в Бенкгейм, а 27 августа была введена в бой в районе Куттен. В этот день 72-я дивизия, двинутая на поддержку левофланговых корпусов 1-й армии, как вспоминал участник событий, «подверглась удару двух германских корпусов (1-го и 17-го). На стороне германцев было пятерное превосходство сил при подавляющей артиллерии. Понятно, что дивизия была разгромлена». На следующий день та же участь постигла и второочередную 54-ю дивизию у села Клещовен [1, л. 21]. Донесение начдива 72 Д. Д. Орлова комкору-2 около полудня 28 августа характеризует ситуацию: «Доношу, что до 11.30 все на фронте шло благополучно, но после подхода тяжелых орудий нижние чины начали самовольно беспорядочно отходить с позиции. Так, 72-й артиллерийской бригады передки бросили свои батареи, а прислуга оставила орудия... связь мою со штабом корпуса и бригадой прервали. Генералу Турову приказано сдерживать и отходить на север. О 2-й бригаде не имею сведений» [4, л. 1].

Иными словами, личный состав 72-й ПД психологически не выдержал своего первого же реального боя. До 27 августа бойцы дивизии вели мелкие стычки и ружейно-пулеметные перестрелки с германскими передовыми отрядами. Как только в дело была введена тяжелая артиллерия, недосыгаемая для ответного огня русских 3-дециметровых полевых пушек, не выдержали и самовольно побежали в тыл даже артиллеристы. Что уж говорить о пехоте. Генерал Орлов добавляет: «Морально на людей подействовали огонь тяжелой артиллерии, а также и отход рот 101-го полка и батарей 76-й артиллерийской бригады» [4, л. 1об.]. Видя, что огонь противника сметает все на своем пути, а соседи дрогнули, покатались в тыл и полки 72-й дивизии.

Согласно организационной структуре, русская пехотная дивизия делилась на две бригады, одну из которых возглавлял заместитель начдива. Как правило, именно этот бригадир в начале войны принимал под командование второочередную дивизию. В свою очередь, последние также получали генерала в командиры одной из бригад. Бригада П.Н. Турова — 285-й Мценский и 286-й Кирсановский пехотные полки. Соответственно, 287-й Тарусский и 288-й Куликовский полки напрямую подчинялись командиру дивизии Д.Д. Орлову. И, как видим из донесения Орлова 28 августа, он потерял связь со 2-й бригадой своей дивизии и поручил прикрывать общее отступление 1-й бригаде генерала Турова. В общей сумятице отступление закрыла артиллерия. Орудия 72-й артиллерийской бригады полковника Владимира Константиновича Бодиско прикрыли отход 72-й и 26-й дивизий к реке Слудзе, но ценой этого стала потеря трех орудий [14, с. 812].

Понятно, что при отходе потери всегда велики и особенно в частях прикрытия. Уже в час дня 28 августа (то есть всего через час после донесения начдива-72 в штаб корпуса) начальник штаба дивизии А.А. Балтийский сообщал Орлову из деревни Пиланкинг: «В Мценском

полку, по-видимому, весьма острый период! Первый дивизион также в опасности. Я во второй бригаде. Предложил от Вашего имени перейти в наступление. Полковник Архангельский не исполнил приказа, начал отступать и сам исчез. Пытаюсь привести бригаду в порядок. Артиллерия снялась с позиции и ушла. По чьему приказанию, не знаю. Это случилось после того, как я отдал приказ о наступлении» [4, л. 28]. Таким образом, полковник Балтийский сумел найти и возглавить 2-ю бригаду 72-й дивизии и даже предпринять контрудар. Правда, полки, судя по всему, вперед не пошли, а командир 287-го Тарусского полка полковник А.М. Архангельский пропал. Та же судьба — неизвестность — постигла и командира 285-го Мценского полка полковника С.Б. Дьяконова. Оба командира полка пропали без вести, как говорится в рапорте полковника А.А. Балтийского [6, л. 396].

При отступлении из-под Кёнигсберга, когда противник уже нависал над русскими, всецело поглощенный боями Ренненкампф не принял должных мер для упорядочения отхода. И потому 1-я армия сгрудилась на шоссе у Вержболово, где русские потеряли массу обозов и пленных второочередных частей под ударами германских авангардов. Шоссе от Даркемена было загружено обозами, лазаретами и артиллерией 56, 72, 43-й и 57-й дивизий, а потому отход проходил чрезвычайно медленно. В боях 28—30 августа русские войска окончательно перемешались, и теперь лишь естественный рубеж пограничной реки Неман представлялся новой точкой обороны.

Дни 29—30 августа сложились для 72-й пехотной дивизии наиболее драматично, предопределив ее дальнейшую судьбу. Приказ по 72-й дивизии в 9.45 от 29 августа, адресованный командиру 287-го Тарусского полка, гласил: «Части Вашего полка отступают. Полковник Архангельский отрешается мною от командования полком с оставлением на позиции. Старшему принять полк. Отступлению не быть. Привести полк в порядок». Судя по этому приказу Орлова, он даже и на следующий день не знал, что командир полка пропал без вести. В 10.00 полковник Балтийский сообщал командиру 288-го Куликовского полка полковнику К.Н. Ратькову: «Влево от Вас наступают наши. Перейдите совместно с ними в наступление. Сообщаю это по приказанию начальника дивизии». Смысл столь тщательных указаний («влево наступают наши») заключался в том неприятном обстоятельстве, что после боев 26—27 августа в войсках стала замечаться беспричинная паника. Начдив-72 Д.Д. Орлов даже сообщил начдиву-43: «Страшно опасаясь, что мы обстреливали друг друга». Удивительно, что в такой ситуации русские пытались контратаковать — приказ Орлова на 29 августа расписывал действия всех полков: «Дивизия переходит в наступление. Я решил как ближайшую задачу — захватить лес, что по пути к Бенгхейму». Для этого следует «Мценскому полку — захватив Ангерт, продолжать наступление лесом, прикрываясь левым флангом, шоссе в Бенгхейм... Тарусскому полку — захватив Штабинен, продолжать наступление лесом, придерживаясь правым флангом, шоссе в Бенгхейм. Ожидается вывод артиллерии... Куликовскому полку — захватив дом с башней, наступать вдоль восточной опушки леса на Баллюпонен, Стобригкен, Грихкирхен» [4, л. 3—7].

Днем 29 августа Орлов, вместе со штабом находившийся в Ней-Хохенберге, указал уцелевшим в бою накануне командирам 286-го Кирсановского и 288-го Куликовского полков (соответственно полковники А.А. Ненарокомов и К.Н. Ратьков): «Воздержитесь временно стрелять. Опасаюсь, что перед нами наши [43-я дивизия]. Есть ли у Вас доказательства, что это не наши?» В 14.30 начдив-72 присовокуплял: «Сейчас дом с башней будет обстреливаться тяжелыми мортирами и полевыми орудиями 43-й пехотной дивизии, а потому задержитесь с наступлением». Тогда же Орлов требовал от Мценского полка срочно сообщить, «взят ли Ангерап? — Артиллерия хочет Ангерап обстрелять. Предъявите Ваши требования, чтобы облегчить Вам работу. Скажите, с Вашей точки зрения — что следовало бы обстрелять артиллерией? Как потери?» [4, л. 8—11]. Как видим, ни сам начдив, ни его штаб не обладали полнотой информации о происходящем, точно не знали, что творится в полках дивизии (учитывая, что два командира полков из четырех пропали без вести), колебались между атакой и отходом, не понимая твердо и четко, что следует предпринять. Тогда же Орлов сообщил комкору-2: «Противник появился слева с юго-востока, по-видимому, в больших силах» и довел до сведения своих подчиненных, что «прибывают патроны. Чтобы их получить, вышлите от каждой роты по четыре человека взять патроны на роту за правым флангом батареи» [4, л. 25—26]. Выходит, что в русских войсках заканчивались уже не только снаряды, но и патроны. Удивляться этому в современном огневом бою не приходится. Например, дравшийся рядом 227-й пехотный Епифанский полк из состава 57-й второочередной дивизии к 6 сентября истратил 500 тыс. патронов [7, л. 27].

В 17.05 29 августа генерал Орлов писал Ненарокомову, что «дивизия отходит через Брассон, Копигсфедльде в Шарденинкен. Ваш полк образует арьергард. С получением сего займите слабыми частями фронт дивизии, демонстрируя ее присутствие. Когда отойдут все остальные части (вытянутся в колонну), начнет сворачиваться и Ваш полк, оставаясь на всем пути арьергардом». В авангарде должен был идти 287-й Тарусский полк. Через полчаса Д.Д. Орлов сообщил командиру 72-й артиллерийской бригады: «Артиллерия предупреждена об усилении полков — дело пока стоит плохо. Трудно даже перевести сейчас. Подождем до вечера». В 21.00 вечера свой приказ получил и 288-й Куликовский полк: «Дивизия отходит через Брассон, Копигсфедльде в Шарденинкен. Ваш полк следует в колонне за Мценским полком. Полку оставлять позицию частей по мере занятия Ваших окопов частями Кирсановского полка, который покидает позицию последним и останется в арьергарде. Взять *всех* раненых. В Брассене будут носилки для тяжело-раненых. Вытянуться на шоссе частям со своих мест. Все выполнить в полной тишине» [4, л. 12—16]. Как видим, на протяжении нескольких часов не удавалось должным образом организовать отход. В процессе отхода к линии государственной границы 1 сентября штаб дивизии расположился в деревне Стефанишки, а 4 сентября — в Скернево.

К 6 сентября войска 1-й армии отступили за Неман. Потеряв практически все склады и обозы, генерал Ренненкампф успел выгнать большую часть людей: немцам не удалось создать ни одного «котла» для войск 1-й армии, хотя при отступлении из Восточной Пруссии 1-я армия потеряла до 75 тыс. чел., значительную часть из которых — пленными. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в своем докладе от 7 сентября на имя императора Николая II показывал, что потери 1-й русской армии громадны — более 100 тыс. чел. Великий князь доносил, что в семи пехотных дивизиях — 25, 26, 29, 43, 54, 57-й и 72-й — осталось в строю только 437 офицеров и 34 911 солдат при двух сотнях легких орудий и 12 гаубицах. Это наличный численный состав лишь двух русских дивизий, а в докладе речь идет о семи дивизиях. Всего в 1-й армии к 20 сентября числилось 191 894 штюка, 14 031 пашка при 521 пулемете и 876 орудиях [8, л. 80]. Сменивший Я. Г. Жилинского на посту главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта бывший командарм-3 Н. В. Рузский 4 сентября указывал, что теперь «трудно рассчитывать на какие-либо действия Первой армии» [2, л. 1об.].

Согласно донесению начальника штаба 1-й армии К. К. Баиова начальнику штаба Северо-Западного фронта В. А. Орановскому, на 10 сентября 1914 г. численность частей 72-й ПД составила 43 офицера, 2 412 солдат (по численности — меньше одного полка), 1 пулемет (единственный пулемет дивизии остался в 286-м Кирсановском полку), 20 орудий; «кроме того, значительная часть дивизии к корпусу еще не присоединилась» [9, с. 490]. По приказу Верховного главнокомандующего от 7 сентября 1914 г., сильно пострадавшие 54-я (М. И. Чижов) и 72-я (Д. Д. Орлов) второочередные пехотные дивизии были расформированы, а их личный состав обращен на пополнение наиболее потрепанных перволинейных полков. Вернее, должен был быть обращен, хотя на деле эти люди обретались в резерве фронта. Личный состав «распределить по строевым частям корпуса, имея в виду необходимость довести численность частей корпуса до возможного равенства... Всю материальную часть 54, 72-й пехотных дивизий, не исключая и 54, 72-й артиллерийских бригад, распределить соответственно между дивизиями корпуса... Знамена расформируемых полков передать временно в полки корпуса по Вашему усмотрению» [9, с. 458]. Обоз расформированной 72-й ПД предназначался для 31-й Сибирской дивизии [8, л. 246].

Решение о расформировании двух второочередных дивизий было явно несправедливым, ибо по ним пришелся основной удар германских корпусов, вооруженных гораздо лучше русских полков. Можно ли судить о боевых качествах войск всего по нескольким боям, да еще и при явном неравенстве в силах? Согласно приказу, 54-я и 72-я дивизии были расформированы «за, якобы, полную неустойчивость». Однако данными о неустойчивости второочередных дивизий послужили «донесения тех начальников, во временном подчинении которых резервные дивизии, были и показания случайных очевидцев. Кроме того,

самый факт неудачи был сочтен — что является совершенно неправильным — за доказательство малой боеспособности понесших неудачу частей» [1, л. 20, 23]. Люди из 72-й ПД в основном передавались в 43-ю ПД, но не только. Офицер 26-й ПД вспоминал о пополнении людьми из 72-й дивизии: «Неудачное пополнение личным составом разбитой в первом же бою дивизии, одна бригада которой сдалась в плен, а другая, как говорили очевидцы, побросав много ружей и амуниции, отскочила в Кариоткемен, сильно понизило боеспособность 26-й дивизии в качественном отношении, не возместив ее и в количественном» [12, с. 103].

Выполнение приказа затянулось на несколько недель. Еще в середине сентября указывалось, что при 2-м АК «состоит около 3 580 нижних чинов частей бывшей 72-й пехотной дивизии, собранных в глубоком тылу позднее других и не распределенных по дивизиям корпуса, вследствие того, что не успели еще подойти к пунктам расквартирования дивизий» [8, л. 76об.]. Однако до середины осени часть рядового состава 72-й дивизии все еще находилась в ближайшем войсковом тылу. Так, в дневниковой записи от 30 октября прапорщик А. Бакулин, служивший в 86-м пехотном Вильманstrandском полку 22-й ПД, упоминает, что ему вместо отобранных из роты половины солдат-татар передали на пополнение «форменных 156 босяков из только что прибывшего эшелона». Эти бойцы в августе служили в 72-й пехотной дивизии и, простояв столько времени в тылах, могли бы быть приведены в надлежащий воинский вид. Тем не менее, по записи Бакулина, «эти люди почти ничего не имели, даже записных книжек, все было на них рваное, а обувь невозможна, даже не опорки, а просто завернуты ноги в голенища от сапог и какие-то тряпки» [10, с. 44].

Таким образом, восемь полков русской армии прекратили свое существование спустя всего 1,5 месяца после начала войны, приняв участие в наступлении лишь в течение двух недель, в том числе в боях по несколько дней. Высший офицерский состав дивизии в основном также оказался в тылах армии. После расформирования начдив-72 Д. Д. Орлов занимал должность и. д. командира 1-й бригады 43-й ПД, в то время как его первый помощник — П. Н. Туров — стал и. д. командира 2-й бригады той же самой дивизии. Полковник А. А. Балтийский стал начальником штаба 43-й дивизии. В 1915 г. генерал Орлов перешел на пост начальника 28-й запасной бригады, готовившей в тылу резервистов для фронта. Штаб бригады располагался в Туле, и Д. Д. Орлов периодически исполнял полномочия начальника тульского гарнизона при отъездах командира 2-го ополченческого корпуса В. Ф. Бандровского, занявшего обе должности в феврале 1915 г. после смерти С. Е. Дебеша.

В свою очередь, Туров с 18 сентября 1914 г. временно командовал 26-й ПД после эвакуации начдива-26 А. Н. Порецкого по болезни. В январе 1915 г. начдивом стал П. А. Тихонович, и Туров перешел на пост командира 38-й ПД, а в октябре был отчислен в резерв чинов Двинского, а затем Петроградского военного округа в связи с болезнью. Полковник А. А. Балтийский в марте 1915 г. возглавил 291-й пехотный Трубчевский полк 73-й ПД.

Больше всех «не повезло» уцелевшим командирам полков, которые до конца 1916 г. пробыли в запасе Киевского и Двинского военных округов. Лишь в ноябре 1916 г. полковник Ненарокомов был назначен командиром сформировавшегося полка 4-й очереди – 512-го Деснинского полка, а полковник Ратьков вообще отправлен на пост Сорокского уездного воинского начальника.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5956 (Чернавин В.В.). Оп. 1. Д. 2.
2. ГАРФ. Ф. 601. (Николай II). Оп. 1. Д. 556.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2402. (72-я пехотная дивизия). Оп. 1. Д. 4.
4. РГВИА. Ф. 2402. Оп. 1. Д. 5.
5. РГВИА. Ф. 2003. (Штаб Верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 496.
6. РГВИА. Ф. 2106. (Штаб 1-й армии). Оп. 2. Д. 34.
7. РГВИА. Ф. 2840. (Епифанский полк). Оп. 1. Д. 71.
8. РГВИА. Ф. 2019. (Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта). Оп. 1. Д. 51.
9. Восточно-Прусская операция. Сборник документов империалистической войны. М., 1939.
10. Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны. М., 1999. Кн. 3.
11. Кузнецов О.Ю. История 72-го пехотного Тульского полка (1775–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996.
12. Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. Харбин, 1936.
13. Пахалюк К.А. «Командующий находит ваши распоряжения правильными...»: генерал В.А. Слюсаренко и действия 2-го корпуса в восточнопрусских боях сентября 1914 г. // Восточная Пруссия, 1914–1915. Неизвестное об известном. Калининград, 2008.
14. Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Рязань, 2012. Т. 1.
15. Суворов А.Н. Тактика в примерах. М., 1926.

Об авторе

Максим Викторович Оськин – канд. истор. наук, доц., Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Россия.

E-mail: maxozv@yandex.ru

The author

Dr Maxim V. Oskin, Assistant Professor, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association, Russia.

E-mail: maxozv@yandex.ru